

Серошевский Вацлав Леопольдович

**Против волны:
Воспоминания о сибирской
ссылке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В22

В22 **Вацлав Леопольдович С.**
Против волны: Воспоминания о сибирской ссылке / Серошевский Вацлав
Леопольдович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 228 с.

ISBN 978-5-519-73380-9

ISBN 978-5-519-73380-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Wer den Dichter will 'verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

Кто желает понять поэта,
Тот должен отправиться в его страну.

Эти слова невольно приходят на память, когда предстоит говорить о Вацлаве Серошевском.

Он лет пятьдесят тому назад был революционером, был социалистом.

Написанное им тогда стихотворение „Чего они хотят“, сопоставляющее два мира—мир труда и мир капитала—и предсказывающее могучее движение „рабочих полков“ с целью разрушить до основания мир эксплуатации и насилия, до сих пор пользуется большой популярностью среди широких рабочих масс.

А ныне этот самый Вацлав Серошевский—злейший враг рабочего класса, идеолог польского фашизма, низкопоклонствующий перед маршалом Пилсудским.

И вот для того, чтобы объяснить эту метаморфозу, чтобы понять, как Серошевский дошел до жизни такой, необходимо „отправиться в страну поэта“...

Серошевский — рабочий из дворян.

Царское правительство усмиряло польское восстание не только методами Муравьева-вешателя.¹ Оно употребляло все средства, чтобы ослабить экономически польское дворянство, как цитадель национальных восстаний. В результате этих мер разоренное мелкое дворянство ринулось в города в поисках занятий, дающих возможность существовать. Более зажиточные пытались заняться торговлей, промышленностью или так называемыми свободными профессиями и тут натолкнулись на конкуренцию со стороны еврейской буржуазии, уже давно

укрепившейся на этих позициях. Тогда-то на польской почве начал буйно развиваться антисемитизм.

Менее многочисленные и менее зажиточные пристроились на фабриках в качестве рабочих, и здесь они сыграли и положительную роль: Они в восьмидесятых годах внесли дух бунта в рабочую среду и одни из первых откликнулись на призывы первых пропагандистов социализма. Они, как сподвижник Людвиг Варынского ² Генрих Дулемба ³, слились с рабочей массой, прониклись пролетарской идеологией; она, так сказать, всосалась в их плоть и кровь, и они до конца дней своих вели борьбу за рабочее дело. Других и у станка не оставляла мысль о том, что стать рабочими их заставили репрессии „москалей“, что, будь Польша самостоятельна, они не были бы вынуждены работать физически.

Общение с рабочими возымело на них свое действие, и, пока длилось это общение, они были революционно настроены, но когда благодаря аресту и ссылке они были разобщены с рабочей массой, старая националистическая закваска забродила в них с прежней силой. Царские репрессии, жертвою которых они стали, вызывали в них озлобление не только против самодержавного режима, но и против всех „москалей“, против русских вообще. К этой второй категории принадлежал и Вацлав Серошевский.

В павильоне Варшавской цитадели он еще был революционером, но, изолированный от сидевших в этой же тюрьме товарищей по делу и вынужденный шествовать в сообществе русских „по Владимирской дальней Сибирской дороге“, он как социалист весьма быстро выдохся, и националистический уклон уже во время странствования по тюрьмам и этапам сказывается в нем на каждом шагу.

Это нашло свое отражение и в его воспоминаниях. Как только вопрос коснется поляка, хотя бы он был одним из чиновников того самого царского правительства, которое угнетало Польшу, он пользуется симпатией автора, очень скоро забывшего польскую поговорку того времени: „Поляк на русской службе хуже москаля“.

Мировоззрение автора равным образом меняется по мере удаления из Варшавы. Программа первых польских социалистов (так называе-

мая „Брюссельская“) тем отличалась, что в ней не было так называемой „программы минимум“. Автор говорит о „поправках“, введенных нами (кем?), касавшихся независимости Польши. Эти поправки он ввел, но действовавшие на воле первые социалисты этого вопроса совершенно не касались. Начало социал-патриотизма относится к более позднему времени. Читая воспоминания Серошевского, эти его особенности необходимо иметь в виду.

Но не только эти.

В ссылке, в особенности в последние годы его пребывания в Якутской области, от автора „Чего хотят они“ осталось уже очень немного, а как-раз в эти годы царские репрессии по отношению к ссылкем дошли до своего максимума (Якутская бойня⁴, Карийская трагедия⁵). Не важно он себя вел тогда, а теперь, в написанных много лет спустя воспоминаниях, он пытается оправдаться. Этим объясняются такие отрывки, как следующий:

„Величайшим бедствием политических заключенных, источником постоянной опасности и невыносимых страданий являются и будут наверно всегда являться те из их товарищей, неуравновешенные, больные, истерики, совершенно лишенные чутья действительности, которые, с одной стороны, склонны преувеличивать до геркулесовых столпов свои права и заслуги и, с другой—всякую обиду, всякую неприятность и унижение, какими полным-полна жизнь арестантов.

Когда подобные демагоги с болезненной чувствительностью столкнутся в известный момент с мрачными и узкими догматиками, материал для тюремной драмы готов: здоровым, сильным, приспособленным к жизни приходится иной раз даже умирать, спасая свою совесть и честь“.

Оставляя на совести Серошевского причисление Соломона Лиона, автора „Морского побега“, к демагогам, нельзя не указать, что автор ставит в один ряд „неприятность“ и „унижение“. С неприятностью можно мириться, но против унижения необходимо протестовать. Это автор перестал понимать.

Все эти черточки умаляют значение воспоминаний Серошевского, подрывают доверие к их достоверности во всех деталях.

Но эти черточки, внесенные автором совершенно сознательно, не охватывают искажений действительности, обусловленной самим характером творчества автора. Серошевский, как писатель, не удовлетворяется естественными эффектами, он опасается, что они без прикрас и сгущения не подействуют на читателя. В „Хайлаке“ после описания зверств, совершенных уголовным ссыльно-поселенцем, зверств кошмарных, но действительно совершавшихся в то время над якутами уголовными-ссылными, он для усиления эффекта представляет „Хайлака“ хлюпающимся после убийства в крови убитого. В прелестной „Тунгусской легенде“, изображающей тунгусского героя, добровольно приносящего себя в жертву на благо тунгусского народа, автор заставляет жреца, произведшего заклание героя, стать в позу, положить на ладонь еще трепыхающееся сердце и произнести фразу:

„Нет, не погиб еще народ, в котором бьются такие сердца“.

Это—одна из особенностей творчества Серошевского, и она сквозит и в его воспоминаниях при описании ужасов этапного путешествия. Эти ужасы действительно неопишуты и поэтому менее всего нуждаются в преувеличениях.

Но автор и тут не воздержался от упоминания о каких-то особенных ужасах, которые пережил. Пишущему эти строки пришлось в худших условиях совершать это же путешествие. Оно безусловно ужасно, но за десять месяцев странствования по тюрьмам и этапам я ничего особенного, отличающего наше шествие по Владимирке от такого же шествия других товарищей, не замечал.

Таковы недочеты „воспоминаний“, если не упоминать о неточностях, вызванных тем, что автору изменила память.

Но, несмотря на все это, воспоминания Серошевского представляют большую ценность благодаря таланту автора. Общая картина—верна. Якуты, казаки—живые люди, живые типы, описание суровой природы и борьбы человека с ней оставляет неизгладимое впечатление.

Феликс Кон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В СИБИРЬ ПО ЭТАПУ

(Перевод Евг. Троповского)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛЬСКИЕ БУНТОВЩИКИ

В августе 1879 года я был приговорен в Варшаве военно-окружным судом к шести годам каторги. Мой товарищ по тюрьме и обвинению, Станислав Ланды⁶, получил восемь лет каторги. Обоих нас вскоре после этого увезли в глубь России, в центральную пересыльную тюрьму в Вышнем Волочке, Тверской губернии. Огромная каменная тюрьма была переполнена уголовными и политическими. Последние были почти все так называемые «административные», т. е. ссылаемые не на основании судебного приговора, а по требованию политической полиции генерал-губернаторами различных областей. Мы двое были в то время единственными с судебным приговором, первыми лишенными прав. Нас переодели в тюремное платье и поместили не в общую камеру, а в тесные «одиночки». Это вызвало большое любопытство во всей тюрьме; нас принимали за больших и опасных преступников.

«Польские бунтовщики!» — так аттестовал нас соседям по камерам начальник тюрьмы. Все были уверены, что мы представляем собою новое издание страшных повстанцев шестьдесят третьего года.

С русскими «политическими» мы встретились лишь несколько дней спустя в Москве, так как даже в поезде

нас везли отдельно. Нас присоединили к большой партии политических, собранных в Бутырской тюрьме и предназначенных к немедленной отправке в места «столь» и «не столь отдаленные». Их было человек двести. Все они были размещены в нескольких больших светлых камерах, где царили суета и гул, точно на ярмарке. Поминутно распространялись волнующие слухи, приносимые извне родными, которым удалось получить свидание с арестованными. Большинство было одето в собственное, «штатское», как тут называли, платье. Нам тоже выдали наши чемоданчики с вещами, отнятые у нас при отъезде из Варшавы.

— Господа, багажа нельзя брать с собой больше, чем два с половиной пуда. Так мне сказал инспектор,— раздается чей-то голос.

Гул голосов стих на минуту, после чего разразилась буря.

— Что? Ерунда! Мы — не лишённые прав!...

— Раз нас увозят, должны взять все, что нам нужно!.. Позвать сюда начальника тюрьмы, позвать инспектора!.. Мы не согласны, не поедем—и все тут!..

Все волнуются, избирают депутацию, ожесточенно спорят между собой...

— Подчеркивая, что мы не лишены прав, мы ставим в плохое положение наших товарищей-каторжан.

— Мы ведь поедем вместе и будем делиться с ними всем, что нам удастся взять с собой. Надо запастись табаком, сахаром, мукой, рисом, консервами в такой дальний путь. Неизвестно, что нас ждет!

— Во всяком случае, так не хорошо.

— Что не хорошо?! Само собой понятно, что нам плевать на их права, вопрос только идет о багаже!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТИПЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Я перехожу от группы к группе, прислушиваюсь, расспрашиваю.

После годичного одиночества в стенах варшавской цитадели этот шум, эта толпа оглушают меня, заинтересовывают, увлекают... Кого там только нет?

Вот пожилой господин в изящной поддевке, перевязанной черным поясом. Это — народник Южак⁷, известный статистик и экономист, сотрудник «Отечественных Записок»⁸.

Вот исполинского роста, с проседью уже в волосах, с манерами большого барина, богатч Гернет, председатель управы одного из крупных городов на юге России⁹.

Вот профессор Ковалевский¹⁰, историк, украинофил*, все преступление которого состоит в том, что у него жена «Маруся» — известная по всей Украине революционерка¹¹, украинофил Малеванный¹², по прозвищу «Гетман», в шикарном казакине, доктор Белый¹³, украинофил Кравцов¹⁴, с большой холеной бородой, лев киевских и одесских салонов, Афанасьев, Панфилов¹⁵, Панкратьев¹⁶, Желтановский¹⁷, Спандони¹⁸, Семенюта¹⁹, целый ряд членов и секретарей управ — все обвиняемые в сочувствии революционному движению, вспыхнувшему с особенной силой на юге России. Далее группа евреев:

* Украинофилами называли в то время в России украинских патриотов; о независимой Украине не было в то время еще ни речи ни помыслений даже среди самих украинцев.

Лион, одесский юрист ²⁰, литератор Чудновский ²¹, отец и сын Фрейберги, какой-то журналист, несколько торговцев, с полдюжины студентов и учащихся, лохматых и очень крикливых, наконец невзрачная личность, которая подходит и обращается ко мне вполголоса на ломанном польском языке:

— Вы не знаете, в чем дело? Я вижу, эти господа — что-то совсем другое... Я совсем не знаю, в чем я виноват... Это все какие-то ученые люди!.. Может быть, у меня что-нибудь не совсем правильно в делах, ну так это совсем другое дело... Тут какая-то большая ошибка...

Немножко в стороне держатся приговоренные к каторжным работам. Их было человек тридцать с лишним. Большинство одеты уже в серые тюремные бушлаты с черными или синими тузами на спине, в грубое тюремное белье. Впереди выделялся рослый брюнет Волошенко ²², предводитель украинских террористов; рядом с ним — молчаливый, тихий и скромный Попко ²³ *, студент Фомичев ²⁴ **, сын протоиерея; Ефремов, тоже выходец из духовного сословия, кроткий, как дитя, относившийся ко всем с большой терпимостью, беспристрастный и благородный, получивший однако прозвище «Стенька Разин» за свой ужасный вид ²⁵. Среди товарищей говорили, будто за

* Попко через несколько лет умер на каторге, и тогда обнаружилось, что это он был убийцей киевского жандармского офицера Гейкинга.

** В военном суде Фомичев категорически отрицал, будто бы он принимал участие в террористических актах, но признался в том, что он социалист. Этого оказалось достаточным для того, чтоб приговорить его к двадцати годам каторжных работ. Несколько лет спустя он сошел с ума на религиозной почве.